

О СТАНОВЛЕНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД

(до середины XIII века)

*Пётр Дмитричков, профессор кафедры истории и культуры Беларуси МГУ
им. А. А. Кулешова*

Зарождение и развитие государственности на восточнославянских землях сопровождалось формированием определённой структуры органов власти и управления, других элементов политико-правовой системы. Такая структура складывалась прежде всего на региональном уровне и во многом сохранила свои черты и особенности в древнерусский период. Местные княжества, в том числе и те, что появились на территории Беларуси, с самого начала развивались как самостоятельные и устойчивые государственные образования. Все они, как и само Древнерусское государство, носили монархический характер. Важную роль в них играли князья, осуществлявшие верховную власть в пределах своих владений [1, с. 50].

В едущая роль князей стала определяться уже в период разложения первобытного строя и возникновения племенных «княжений». Само название «княжение» отражало факт существования в раннегосударственных образованиях княжеской власти. Летописи содержат и такие понятия, как «князь», «княжеский род». В «Повести временных лет» записано: «И сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода”» [2, с. 216]. Таким образом, лица, осуществлявшие верховную власть в формировавшихся государственных образованиях, происходили из особого «княжеского рода», видимо, из старейшин племён или союзов племён. Есть основания утверждать, что во главе союзов племён стояли правители, носившие титул «великий князь» или «светлый князь», а глава племенного княжения имел титул «князь» [3]. Такие термины содержатся в письменных источниках, в частности в договорах Руси с Византией 907 и 911 годов. Представители

Руси во время переговоров о заключении с Византией договора 911 г. рекомендовали себя: «Мы от рода русского... иже послани от Олга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих боярь» [1, с. 25–26].

Превращение племенных территориальных объединений в государственно-политические образования более зрелого типа привело к усилению роли местных князей, в том числе образований, которые складывались и на территории Беларуси, в частности в Полоцкой земле. Князь в ней является «...зусім неабходным прадстаўніком яе сацыяльна-палітычнай арганізацыі. Адсутнасць князя: парушала нармальнае жыццё княства, ставіла яго на грань небяспекі перад знешнім светам» [4, с. 37]. Многие историки указывали на неразрывную связь князей с теми землями, волостями, в которых они управляли. По их мнению, ни один стольный город в Древней Руси,

включая знаменитый своими вольностями Новгород, не мыслил себя без князя и страдал, если его по какой-то причине не было. Связь князей с вверенной их власти землёй была настолько прочной, что они, как писал украинский историк А. Толочко, «предстают своего рода неразъединимым целым» [5, с. 15].

Вместе с тем о князьях местного, славянского, происхождения практически ничего не известно. Летописи содержат лишь сведения о князьях варяжского, то есть скандинавского происхождения из окружения Рюрика. В «Повести временных лет» под 862 годом рассказывается о раздаче Рюриком, находившемся в Новгороде (а возможно — в Старой Ладоге. — П. Д.), городов своим мужам: «И прия власть Рюрик, и раздал мужемъ своимъ грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро» [2, с. 18].

Видимо, и полоцкий князь Рогволод был варяжского, скандинавского происхождения, ибо, как отмечает летописец, он «пришёл из-за моря», «имяше власть свою в Полотъске» (неизвестно, принадлежал ли он к роду Рюриковичей). При этом летописец подчёркивает его владетельные, властные полномочия в отношении Полоцких земель. В Лаврентьевской летописи отмечается, что Рогволод «...держашю и владеюшю и княжашю Полотъскую землю» [2, с. 320]. Не исключено, что и князь Тур, правивший в землях дреговичей, был варяжского происхождения — его имя вместе с Рогволодом названо в «Повести временных лет». Летописец, сообщивший, что Рогволод держал власть свою в Полоцке, прибавил: «...а Туры держал власть в Тураве, по нему и прозвались туровцы» [2, с. 252].

Варяжское, скандинавское происхождение Рогволода и Тура признают не все историки. Так, М. Довнар-Запольский выводил происхождение Рогволода из западных славян, а Н. Ермолович считал его выходцем из местного княжеского рода. По мнению белорусского историка, он мог быть сыном княжны Прадслава, упоминаемой в договоре 945 г. киевского князя Игоря с Византией. Н. Ермолович пишет, что, возможно, она правила в Полоцке и её представитель находился в посольстве киевского князя, а после её смерти Рогволод, который мог княжить где-нибудь в заморье,

например у поморских славян, вернулся в Полоцк как в свою волость. Если учесть, что имя «Прадслава» широко бытовало на Полотчине (такое имя, в частности, носила до пострижения в монахини и Евфросинья Полоцкая), то утверждение историка вполне логично [6, с. 186]. Местного, дреговичского происхождения, по мнению ряда историков, был и князь Тур, которого сменил присланный сюда киевским князем Владимиром Святополк (так утверждал Н. Ермолович).

В процессе развития государственности выработалась и практика передачи княжеского стола. В её основу был положен принцип наследования, когда верховная власть в княжестве переходила к старшему в роде сыну умершего князя. «В тот же год умер Брючислав Изяславич (полоцкий князь. — П. Д.), внук Владимира, отец Всеслава, и сел на столе его (в Полоцке) сын его Всеслав», — записано в летописи [2, с. 304]. Однако такой порядок нарушался и не всегда действовал, особенно когда местные княжества оказались под властью киевского князя, который мог назначать в них и своих представителей (наместников). Довольно широко было распространено и такое явление, как избрание князя на вече. Однако имелись случаи, когда княжеский стол занимали в результате вооружённой борьбы.

Тогда же складывалась и определённая церемониальная процедура вокняжения, возведения князя на престол. Так, с принятием христианства в Киеве, Полоцке и других политических центрах земель-княжеств стало осуществляться «целование» креста для подтверждения князем взятых на себя обязательств, а также выполнения условий того договора (ряда), который он заключал с горожанами на вече. Крестоцелование особенно необходимо было, когда князя приглашали с других земель. «И Рогволод присягнул (полочанам) на кресте, — отмечается в летописи, — что он не припомнит им всё то (плохое), что они ему учинили, и отпустил их назад» [7, с. 38]. Регалией княжеской власти являлась «вислая» печать. Одной из древнейших на Руси историки считают печать полоцкого князя Изяслава. Появился и церемониальный костюм, использовавшийся при вступлении князя на престол, при приёме послов, вхождении в храм и др. [8, с. 31].

У князей были значительные властные полномочия, прежде всего в исполнительно-распорядительной деятельности. По словам В. Игнатовского, чаще всего им приходилось заниматься военными делами, защищать территорию княжеств и их население от внешней угрозы, осуществлять походы (нередко по требованию великого князя киевского) на другие земли. Местные князья выполняли административную работу, чинили суд и расправу, занимались другими вопросами. При этом они стремились к самостоятельности и не раз вступали в конфликты, в том числе и вооружённые, с киевскими и другими князьями. По мере развития государственности на восточнославянских землях (это было заметно уже со второй половины XII в.) всё более выразительным становился принцип суверенности власти местных князей в своих владениях. Он был признан Киевом и закреплён в качестве права «отчины», то есть наследственного владения («да держите отчину свою») на Любечском съезде князей в 1097 г. (полоцкие князья в нём не участвовали, сказывалось особое положение в Древней Руси представителей династии Рогволодовичей).

Было бы, однако, неверно преувеличивать роль князя в осуществлении властно-управленческих функций в своих землях и волостях прежде всего потому, что он решал государственные и общественные дела не единолично, а опираясь на ближайшее окружение, определённый круг своих помощников, которых обычно называют княжеской дружиной. Не учитывая роли дружины, мы не можем понять особенности государственно-политического строя, который складывался и развивался в Древней Руси. Исследования показывают, что дружинная организация возникла ещё во время племенных княжений, однако сохранившиеся источники содержат противоречивые данные как о составе княжеской дружины, так и о её функциях. Тем не менее можно утверждать, что в ней имелись как выходцы из родоплеменной верхушки, так и представители городских общин. Государственное начало в формировавшихся княжествах могло утвердиться только при условии опоры на местную племенную знать, которая постепенно втягивалась в административную систему, не порывая связей со своими соплеменниками.

В ещё большей степени это касается городов, городских общин, широко представленных в княжеских дружинах и оказывавших большое влияние на государственную власть. Некоторые историки считают, что «княжеская дружина в собственном смысле — это не личное его войско и вообще не войско (а такое понимание княжеской дружины нередко встречается в популярной и даже учебной литературе), а городская старшина (старейшие люди), которые вместе с князем принимали участие в управлении государством» [9, с. 62].

Князья решали с дружинниками не только военные дела. Дружинники выполняли различные поручения князя, в том числе и административно-судебные. Именно из их числа формировался особый слой людей, за которыми закрепилось название «баляры», «бояре», «дворяне» и которые относились к феодальной знати. Таким образом, дружина как особая организация, непосредственно связанная с князем, в процессе развития государственности изменяла свои функции, с чисто военных они становились административно-служебными. «В отличие от предыдущего времени (IX–XI вв.) дружина уже не была отрядом воинов, лично преданных князю. Это был социальный слой, представленный знатью и зажиточной частью населения государства, через который осуществлялось управление в различных отраслях политической и хозяйственной деятельности» [9, с. 21]. Такую оценку княжеской дружины разделяют многие современные историки. Появился даже термин «дружинное государство» в отношении Древней Руси второй половины X — начала XI в. [10, с. 39].

Наиболее приближённые к князю лица входили в раду (совет) или думу, действовавшую при князе. Российский историк М. Любавский отмечал, что в думе обычно участвовала старшая дружина князя, «передние, или лепшие, мужи», бояре. Но круг лиц, входивших в княжескую думу, не был замкнут, и князь иногда совещался с «уными», «с младыми светники». В думе с князьями могли заседать епископы и игумены. Княжеские думцы служили князю добровольно, а поэтому и на совещаниях держались свободно и нередко «прелися» с князем, то есть вступали в споры. По мнению М. Любавского, княжеская дума

«сливалась с компетенцией князя: како-го-либо самостоятельного ведомства, отдельного от ведомства князя, у княжеской думы не было» [11, с. 207–208].

Важную роль в решении государственных и общественных дел в Древней Руси играло *вече*. Историки неоднозначно характеризуют как его происхождение и состав, так и полномочия и место в структуре органов власти. В целом в отношении *веча* в историографии сложились две основные точки зрения. Согласно первой, это народное собрание, в котором участвовали жители того города и его пригородов, который был политическим центром княжества. Вторую точку зрения разделяют историки, рассматривающие *вече* прежде всего как совещание крупных феодалов (землевладельцев), местных бояр, и тогда *вече* следует оценивать как орган «феодальной демократии», а не выражения воли народа. Такой точки зрения придерживаются В. Пашуто, В. Янин, М. Алешковский и другие. Промежуточную позицию занимает С. Юшков. Он считает, что городское *вече* — это массовое собрание, в котором наряду с феодалами могли участвовать торговые и ремесленные слои древнерусского общества. Более единодушны историки в отношении его происхождения и полномочий. Большинство учёных рассматривают *вече* как орган власти, восходящий своими истоками к родо-племенному строю и развивавшийся наряду с княжеской властью в политических центрах восточнославянских земель [1, с. 63]. Во многих летописях содержатся сведения о *вечевых* собраниях. Например, в Новгородской Первой, Ипатьевской и Лаврентьевской летописях можно найти 250 указаний на такие собрания, из них 62 прямых и 143 косвенных [1, с. 64]. В «Повести временных лет» *вече* впервые упоминается под 997 г.

На *вечевых* собраниях в Полоцке рассматривались основные вопросы, касавшиеся не только этого города как политического центра княжества, но и других его волостей. Фактически это был законодательный орган, который ограничивал власть князя, придавал специфические черты монархической власти, сдерживал её развитие в направлении к самовластию, самодержавию, да и управлять князь мог только с согласия *веча*. В ис-

точниках зафиксированы случаи, когда князя приглашали на основе постановления *веча* или по каким-либо причинам лишали княжеского престола, как это случилось с полоцким князем Давидом в 1127 г. Следует отметить и такой факт, что князь с дружиной должен был находиться не в городе, а в его предместье (Бельчицах). Они не имели права покупать в Полоцке недвижимость и владеть ею. Если князя по какой-то причине изгоняли из города, он должен был вообще уйти за пределы княжества.

Кроме Полоцка *вечевые* собрания проводились в Минске, Витебске, Логойске. *Вече* действовало в Друцке [12]. Письменные источники свидетельствуют о наличии *веча* в Турове, Бресте и других городах. Право участвовать в *вечевых* собраниях принадлежало всем свободным хозяевам города, которые в источниках определяются местными терминами «полочане», «меняне», «дрючане» или просто «люди» (термин «горожане» использовался редко). По мере развития государственности, феодальных отношений в решении дел, рассматриваемых на *вечах*, стала усиливаться роль боярства, что не только подрывало демократизм *вечевых* собраний, но и ослабляло позиции князя. Это касается, в частности, Полоцка. Анализ источников, отражающих общественно-политическую жизнь в Полоцке в XII–XIII вв., показывает, что власть князя здесь уже была существенно ослаблена. Об этом говорят сведения, содержащиеся в «Хронике Великого княжества Литовского и Жемойтского». Автор «Хроники» отмечает, что фактическая власть в Полоцке (в 80-е гг. XII в.) принадлежала узкой группе лиц (30 «мужам»), которые занимали все важнейшие административные, судебные и военные должности (они избирались или утверждались *вечем*). «Полочане в то время сами управлялись и никакой власти над собой не имели, только 30 мужей из среды их сограждан на текущие дела назначались судьями и сенаторами, а чаще по сигналу большого колокола, который посреди города висел, все собирались; там и о делах своих, и о нуждах республики, и о подвластных своих рядили, ибо держали в то время русскую землю сами горожане полоцкие и на несколько миль управлялись» [13, с. 118].

Правда, соотношение институтов веча, боярства и князя в Полоцке историки оценивают по-разному. Так, некоторые из них (В. Данилевич, М. Довнар-Запольский, М. Тихомиров) признавали верховную власть веча в Полоцке, недооценивали и даже отрицали существование боярства как особых должностных лиц, игравших важную роль в общественно-политической жизни города, в частности в вечевых собраниях. С критикой такого мнения выступил В. Пашуто. На слабость княжеской власти, усиление роли боярства в Полоцке указывали Л. Алексеев, И. Фроянов, А. Дворниченко. По мнению белорусского историка Г. Штыхова, наличие князя в Полоцке было обязательным и традиционным условием его государственного устройства. Что же касается веча, то оно, как пишет учёный, «...не располагало развитым институтом представительной власти, чтобы обойтись без князя. Полоцк остановился на этапе сосуществования княжеской и зачатков республиканской власти». Полоцкую землю «следует считать княжеством со слабо выраженными чертами аристократической республики» [4, с. 49].

Изучением этого вопроса занимался и российский историк А. Рукавишников. Проанализировав соответствующие источники, он пришёл к выводу, что «...в конце XII — первой половине XIII в. Полоцк представлял собой тип государства с практически сложившимися чертами олигархического правления и слабо выраженными элементами княжеской власти. Накануне литовского завоевания это была в чистом виде «боярская республика»» [13, с. 122]. Вывод А. Рукавишникова достаточно обоснован, но только в части, касающейся ослабления княжеской власти в Полоцке, оценивать же его чисто боярской республикой нет оснований, тем более имеются публикации, авторы которых утверждают об усилении княжеской власти в Полоцке в конце XII — начале XIII в. [14]. На наш взгляд, более соответствует исторической действительности оценка Г. Штыховым государственного строя Полоцкой земли.

В процессе формирования и развития государственности во всех землях и волостях Древней Руси складывалась и система местного управления. Эта система также отражала превращение племенных

княжений в государственные образования и имела свои исторически обусловленные особенности. Так, самой древней местной единицей административного характера можно считать погосты. Они объединяли несколько поселений и являлись не только центрами сбора княжеской дани, элементами княжеского домена, но и элементами государственности, так как домениальное и государственное начала «тесно переплетались и в практике, и в юридическом сознании средневековых людей» [15, с. 366]. Неслучайно во главе погостов ставили служебных лиц, отвечавших за фискальные и хозяйственные дела. С распространением христианства в них строились и церкви.

Такие административно-территориальные образования на восточнославянских землях стали устанавливаться киевской княгиней Ольгой (первое упоминание о погостах в источниках относится к 947 г.). С того времени они появились и на территории Беларуси. В дальнейшем основной опорой княжеской власти в решении фискальных, судебных и других государственных дел на местах стали *города* как центры волостей [16]. Этими делами от имени князей занимались посадники (они имелись в Турове, а если верить В. Татищеву, то и в Полоцке), тысяцкие, сотские, десятские (в совокупности они могли называться «старцы градские» или «люди старейшие»), мытники, ключники, тиуны. В Бресте существовала должность воеводы, это единственный город в Беларуси, где она названа в источниках. В период раздробленности Руси местные дела решались в княжеских уделах, при этом власти всегда стремились опираться на органы самоуправления, имевшиеся как в сельских, так и в городских общинах. Тогда же стала возрастать и роль *феодалных съездов*, или *снемов*, на которых рассматривались важнейшие государственные вопросы. Так, известен Новгородско-Полоцкий снем 1191 г., когда готовилось совместное выступление новгородских и полоцких князей против Литвы. На снечах представителей Полоцка, Витебска и Смоленска вырабатывались совместные условия торговли с немецкими городами [17, с. 72]. В дальнейшем на основе снемов и вечевых традиций на белорусских землях сложилась система сословно-шляхетского представительства в форме

соймов (сеймов), закрэпівшаяся в Вялікім княстве Літовскім.

В якасці элемента палітычнай сістэмы княстваў Древняй Русі можна разглядаць і *цэрковь*. С моманта свайго з'яўлення яна іграла важную ролю як в духоўнай, так і в дзяржаўнай жыццёвай усходняславянскіх зямляў. Асабліва высокае становішча займалі в княствах епіскапы. Эці «князья цэрквы», як іх назваў В. Пічэта, стаялі не толькі на стражы ёй інтарэсаў. Яны аказвалі б'ольшое ўплывае і на палітыку, ажыццяўляемую арганамі ўлады. Пярэдне ўсё гэта кацаецца епіскапаў Палацкага і Туравскага, прынімаўшых ўдзяле ў вечаўых сабраўнях, падпісанні разлічных дагавораў і саглашэньняў. К такім дакумэнтам, падпісаным князем і епіскапам, прыкладывалі і іх печаткі. По суты, епіскап быў другім лыцам в княстве.

Паступенна складалася і ваенная арганізацыя княстваў, неабходная глыным абразам для рашэння внашнэпалітычэскіх дзяў, абеспячэння бязопаснасці насялення. Хоў са сведзеньняў о ваеннай арганізацыі таго врэменя в істочніках садрэжыцца нямнога, адрэделённое прэдаставленне о ней мы можэм палучыць. Так, аснову ваоружэньных сіл Палацка саствалялі дружыны князьяў і народнае апалчэньне із лісра горадскіх і сельскіх жытэляў, іспользаваліся такжэ атрэды наёмнікаў ілі саюзных Палацку князьяў. Падсчэты, сдэлаўныя історыкамі, паказывають, што во врэмя «тотальнай мабілізацыі» князь мог сабраць значытэльное колычэства боеспасобных мужчынаў. Напрымер, в паходзе протыв зэмгаловаў, арганізаваным Палацкам в 1106 г., ўдзяствовало б'олее 14,5 тыс. чалавек [18, с. 39–41].

Вознікновэньне і развіццэ дзяржаўнасці сапрываждалось такжэ змяненнямі і в прававой сфэры, но прасыходылі яны медленна. В то врэмя на беларускіх зямлях, как і во всэй Русі, сільным было ўплывае *обычнага права*. Пры гэтым яно імело і мясцьныя асабнасцьы, зафіксаваныя і в «Павэсты врэмянных лет», гдэ ёсть запысь о том, што насяленне каждой зэмлі «імяху бо обычаў свой і закон отэц своих і прэданья каждой свой нрав». По мере развіццэ дзяржаўнасці, феодаўных аўношэньняў,

ўсложнэньня самоў жыцця абычнае права не ўдэлаўтвораюць ні княжэскую ўладзь, ні феодаўныя сасловыя, ні протых людэў. Пэўтому сталы п'яўляцься сапэцыяўныя пысьмэньныя акты, разлічныя допалнэньня і п'яснэньня к нормаў абычнага права. Это сапэсабствавало вознікновэньню і развіццэ *пысаного права*. Наібаўлее дрэвньныя нормаў дзяржаўнасці права былі вырабаўтаны пры заклёчэньні дагавораў на вечаўых сабраўнях пры возвэдэньні князьяў на прэстол (тэксты такіх дагавораў не сахраўніліся, но не ісклёчэно, што яны імелыся). Памятнікамі пысаного права можэ сачытаць саглашэньня, падпісаньныя Палацкам с крэстонасцамі, дагаворы Палацка, Вітэбска, Смолэнска с Рыгаў і нэмецкімі купцамі. На беларускіх зямлях дэўствовала і ўстаўная грамота смолэнскага князья Ростыслава Мстыслаўчыча (1136), распротраняўліся на ных і нормаў «Русской Правды». Не ісклёчэцца косвэньнае ўдзяле Вэсэслава Палацкага в саствалэньні ёй краткой рэдакцыі. Вознікновэньне гэтого памятніка срэдневэкавоў права было связано с востаніем 1068 г. в Кывэ, когда Вэсэслав аказался на велыкокняжэском прэстолэ. Как свідэцтвають пысьмэньныя істочныкі, князь аўсцэствыл некыя судэбньныя новаввэдэньня («людэм судыашэ»), вэзможно, яны былі зафіксаваны і в «Русской Правдэ» [19, с. 109–110].

Такым абразам, арганізацыя ўлады і ўправлэньня на беларускіх зямлях складалася по мере развіццэ дзяржаўнасці і атражала асабнасцьы палітычэскага строя княстваў. Этоў строй імел монархычэскы характэр, но ўладныя полномочыя князьяў, асабэнно в Палацкаў зэмлі, былі аўраўчэньны, што наблэдаецца і во всэй Древняй Русі. Не слэдуэт забываць і о том, што дзяржаўнасць на усходняславянскіх зямлях вознікла на аснове аўчыных заканамернасцьы і суцэствэньных аўліччяў на тэрыторыі Бэлараўскаў не могло быць. В дзяржаўных аўраўваўнэньях всых рэгіянаў еўрапэйскаго кантынэнта было многа аўчынаго. Дажэ тэрмын «дзяржаўнасць» в аўношэньні такіх аўраўваўнэньняў в то врэмя не ўп'яўтэбляўся, яны называлыся княжэствамі ілі каралэўствамі (в саўрэмянным значэньні тэрмын «дзяржаўнасць» на Русі, напрымер, ізвэстен толькі с XV в.). Бэзуслаўно, імелыся і асабнасцьы. Так, на го-

сударствообразующие процессы в Восточной Европе наложили отпечаток территориально-географический фактор, климати-

ческие условия, громадность того пространства, на котором формировалось государство Русь.

Список использованной литературы

1. Поляков, А. Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя / А. Н. Поляков // Вопросы истории. — 2007. — № 3. — С. 50.
2. Повесть временных лет. — М., 1950.
3. Горский, А. А. О переходном периоде от классового общества к феодальному у восточных славян / А. А. Горский // Советская археология. — 1998. — № 2.
4. Штыхаў, Г. В. Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі / Г. В. Штыхаў. — Мінск, 2002.
5. Толочко, А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология / А. П. Толочко. — Киев, 1992.
6. Ермолович, Н. «...Нареклися кривичи и дреговичи...» / Н. Ермолович // Неман. — 1980. — № 9.
7. Ганцова, С. К. Сведкі беларускай мінуўшчыны (Зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі VI–XV стст.) / С. К. Ганцова, В. А. Чамярыцкі, Г. В. Штыхаў. — Мінск, 1996.
8. Барвенава, Г. Парадна-цырыманіяльны княжацкі строй на Беларусі ў X–XIII стст. / Г. Барвенава // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практ. канф. 27 сак. 1999. — Ч. 2. — Мінск, 1999.
9. Ляўко, В. Раннесярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Беларусі (структура, служымыя арганізацыі, павіннасці) // Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі, 1999. — Мінск, 1999.
10. Горский, А. Дружинное государство / А. Горский // Родина. — 2002. — № 9.
11. Любавский, М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. Издание пятое, стереотипное / М. К. Любавский. — СПб., 2002.
12. Штыхаў, Г. В. Князь і веча ў сярэднявекowym Друцку / Г. В. Штыхаў // Древнему Друцку 1000 лет. Материалы к научно-практической конференции. — Витебск, 2001.
13. Рукавишников, А. В. Об организации власти в Полоцке в конце XII — середине XIII века / А. В. Рукавишников // Вопросы истории. — 1999. — № 3.
14. Александров, Д. Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. / Д. Н. Александров, Д. И. Володихин — М., 1994.
15. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков — М., 1982.
16. Горский, А. А. Русь в конце X — начале XII века: территориально-политическая структура («земли», «волости») / А. А. Горский // Отечественная история. — № 4. — С. 154–161.
17. Штыхов, Г. В. Киев и города Полоцкой земли // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. — Минск, 1982.
18. Ласкавы, Г. В. Склад войска ў Полацкай зямлі ў XI–XIII стст. // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў (Мінск, 3–5 лютага 1993 г.). Тэзісы дакладаў і паведамленняў. — Гісторыя Беларусі. — Ч. 1. — Минск, 1993.
19. Тихомиров, М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. — М., 1975.